

МАРИЯ НИКОЛАЕВА

НЕКОТОРЫЕ БАШНИ
ХРАНЯТ СВЕТ.
ДРУГИЕ – ТАЙНЫ.
ЭТА ХРАНИТ ВЛАСТЬ.

ХОЗЯЙКА БАТРОВОЙ БАШНИ

18+

Мария Николаева

Хозяйка Багровой башни

<https://litres.ru/74015848>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я умерла семь лет назад.

По всем законам магии на этом моя история должна была закончиться. Но чья-то воля вернула меня из небытия.

Теперь я снова жива. Старые враги боятся моего возвращения сильнее прежнего, а бывшие друзья готовы с радостью нанести удар в спину.

События закручиваются стремительно, не давая прийти в себя. Еще вчера я добровольно скрывалась от мира в своей башне, а сегодня этот мир изменился до неузнаваемости.

Смогу ли я разобраться в случившемся? Таятся ли ответы в посмертных письмах моего лучшего друга? И стоит ли верить его брату, который теперь следит за каждым моим шагом? В прошлом мы были злейшими врагами, так почему же сейчас он смотрит на меня так, словно ждал этого возвращения всю свою жизнь?

Прошлое нельзя изменить, но оно уже наступает на пятки. И как быть, если тот, кого я должна ненавидеть, стал моей единственной защитой?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Сломанная кукла	6
Глава 2. Юная госпожа	18
Глава 3. Между настоящим и прошедшим	30
Глава 4. Братья Санд	39
Глава 5. «Я тебя знаю»	49
Глава 6. Ушедшие в небытие	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Мария Николаева

Хозяйка Багровой башни

Пролог

Взрыв, внезапно прозвучавший в ночи, заставил содрогнуться стены домов портового города Линва. На один краткий миг стало светло как днем, а со стороны моря, раньше времени родилось солнце.

Испуганные жители прибрежных районов высыпали на улицы и до самого рассвета с ужасом и тайным злорадством смотрели на то, как огненное зарево полыхало на печально известном — проклятом — острове.

— Доигралась-таки, — здесь и там раздавался шепоток.

— Рано или поздно это должно было случиться, — соглашались другие.

— А что случилось-то? — непонимающе вопрошали третьи. Таких было совсем мало, ибо про Линварскую ведьму не слышали только ленивый да глухой.

И жители, встречая этот вопрос от случайных прохожих, начинали охотно отвечать. Почему бы и не почесать языком коли возмездия нынче ждать не от кого.

— Ведьма это. Не слышал? Уже три года как у нас живет да вот дожила свое, кажись. Доигралась, проклятая, —

и с удовлетворением смотрели на догорающую башню. Пламя, запертое на небольшом скалистом острове, не могло добраться до портовых и складских построек, а потому горожане просто наслаждались пряным до остроты шоу.

— Ведьма? Да что ей в этой глуши делать? — недоверчиво восклицали редкие гости Линвы.

— Да знамо что: дела черные творить. Опыты на живых людях ставила она. Бессмертие, говорят, искала. Тьфу!

— И как? Нашла? — с насмешкой спросил кто-то.

— В таком огне только смерть и найдешь, — фыркнули в ответ.

— Да-а, — протянул кто-то, стоящий у самого края пристани, — хорошо горит, жарко. По заслугам, — с удовлетворением подвел итог и сплюнул на мостовую.

Горело действительно хорошо. До самого рассвета полыхало так, что, казалось, пламенем объято само море. А с первыми лучами солнца на побережье раздался страшный скрежет и знаменитая Багровая башня, бывшая страшилкой для детей последние годы, содрогнулась и накренилась, словно вина ее хозяйки была так тяжела, что притянула ее к земле.

От жилища Линварской ведьмы остался лишь пепел да обугленные каменные остовы.

От самой же ведьмы не осталось и этого.

Глава 1. Сломанная кукла

Больно было настолько, что под закрытыми веками полыхало ослепительно белым. Воздух покидал грудную клетку с отвратительным хриплым клекотом. А тело сотрясали жуткие судороги. Никогда не думала, что у меня столько нервных окончаний.

Кажется, в этот раз я немного перестаралась. Надо было замкнуть потоки по-другому, а не надеяться на извечное «авось пронесет». Как неоднократно показывает практика, в половине случаев не «проносит».

Ох, проклятье, когда отпустит-то уже?! Раньше мои проколы более чем часом-другим мучений не оканчивались, а тут словно проклял кто.

Материться хотелось в голос, но из сорванного пересохшего горла не удавалось выжать даже сип. Видимо, накричалась я уже достаточно. Хорошо, что свидетелей этому моему позору нет...

И словно в противовес последней мысли я различила чужую речь рядом.

— Не сдохла еще? — раздался равнодушный голос где-то надо мной.

— Нет, и не сдохнет. Хозяин не простит, если с его куклой что-то случится. Привязался он к этой бродяжке, поэтому помяни мое слово: если сдохнет — отправишься за ней.

— Вот напугал! — фыркнул в ответ первый, — я служу ему уже без малого с десяток лет, а эту девчонку он всего лет пять как приютил. И было бы кого! Нашел же безумную на свою голову! Ликом баба, а в душе — дитя. Никогда не поверю, что хозяин любит такое.

— Вот и молчи, дурак! А то еще услышит кто, донесет, а хозяин, сам знаешь, на расправу скор. Особенно, когда дело касается девчонки. И не нашего с тобой ума дело, за что он ее так любит.

Девчонки? Это они сейчас о ком? Я, конечно, дама весьма нестарая, но права именоваться так легкомысленно лишилась лет десять назад.

— И чего эту дуру к распределительному заклинанию понесло? Даже не знаю, что сказать хозяину, если она не оклемается.

— Да помолчи ты уже. Правду и скажем. Не уследили. Она ведь совсем умом слаба. Телом, может и повзрослела, но сознание чисто как у ребенка. Вот и бросилась к родной стихии. Она ведь стихийница сильная. Ну... могла бы быть, если бы не умственная слабость.

Вот чем больше вслушиваюсь — тем больше мне все это не нравится. Даже боль уже не так сильно раздражает, как эта непонятная беседа рядом. На моем острове посторонних не было и быть не могло — барьер лично ставила. А значит, либо я не совсем там, где должна была бы быть, либо... Нет, других вариантов просто нет и быть не может.

Вопрос о том, как я оказалась далеко от своей лаборатории, пока отложим. Сейчас главное понять, где я — и *кто* я. В конце концов, девочкой меня уже давно никто не называл.

Глаза открыть удалось далеко не с первого раза. Но зато когда я наконец смогла их распахнуть, то совершенно точно поняла одну простую вещь: я не дома. В моей лаборатории никогда не было таких белых потолков, да и балдахины я не жаловала, ибо лучшее средство от ночной гнуси — сквозняк и прибрежный бриз.

Не совсем понимая, кто я и что я, через силу подняла руку, чтобы закрыть глаза от слишком яркого дневного света. Судя по всему, провалялась я минимум часов двенадцать. Вот только стоило узреть перед носом предположительно принадлежащую мне конечность... Рука была не моя, слишком худая, тонкая, да и ногти, неровно обломанные не могли принадлежать той, что некогда блистала в высшем столичном обществе.

Кажется, с оценкой времени, проведенном в беспамятстве, я несколько погорячилась: минимум пара месяцев прошла, а то и поболее...

Я так подвисла на разглядывании предположительно своей конечности, что совсем забыла о невольных свидетелях этой сцены. К счастью, они поспешили напомнить о себе сами.

— О гляди ты! Очухалась! А ведь потряхнуло-то ее знатно!

— Значит, выживет. Живучая она тварь все-таки. Другая

на ее месте уже раз семь скопытилась бы, а эта во всякие плетения влезает с такой регулярностью, словно действительно смерти ищет.

— Да что ты от слабоумной хочешь? — безнадежно произнес один из двух находящихся в комнате мужчин.

— А лекарь ведь сказал, что не выкарабкается уже, — с прежним равнодушием в отношении меня продолжил беседу второй.

Не знаю, за кого меня здесь принимают, но разрушать чужую веру в то, что я безобидная мебель лучше пока не стоит. Уж больно много у меня скопилось врагов за последние годы. Настолько много, что в их число давно перешли даже немногочисленные друзья

— Ошибся он — вот и радуйся. Завтра с Совета хозяин должен вернуться. Юная госпожа Арлина с утра уже всем растрезвонила об этом. А ты сам знаешь, он первым делом всегда девчонкой интересуется, словно заморозила она его чем!

— Вот и я говорю: избавиться от нее надо. Если прознают, какую игрушку держит хозяин, то многим это не по нраву придет

— Не твоего это ума дело, дурак! Пусть даже и нравится ему тискать полоумную куклу — это только его дело. Да и хватит уже языками чесать. Давай, напои девчонку и вели уже подать какой-нибудь легкой закуси сюда, а то — не дай Небо — отдаст еще богам душу. Как объяснять будем? —

ворчливо произнес второй.

От саднящей тупой боли, которой были пропитаны все нервные окончания, мутнело перед глазами и хорошо рассмотреть обсуждавших меня мужчин я не смогла, да и опасалась кидать прямые взгляды. И все равно что-то смутно знакомое в них было. Нет, конкретно этих двоих я не знала, но лиловый цвет облачения

Не помню. Слишком давно это было. Да и не придавала я никогда значения всем этим мелочам. Какая разница какие родовые цвета у того или иного мага, если сам он почти не носит их?

Но тот факт, что лиловый мне знаком, уже не радует. Неважно кому из моих прежних знакомых он принадлежит — я умудрилась насолить каждому.

А вот за воду — спасибо. Я даже готова простить ваше пренебрежительное отношение. Хорошо-то как! Приятный холодок прокатился по сухому пищеводу и подарил ни с чем не сравнимое удовольствие. Неосознанно желая продлить это ощущение, я попыталась языком собрать капельки влаги, оставшиеся на губах.

— Ух ты. А вот так даже на бабу похожа, — удивленно воскликнул поивший меня мужчина. — Может, не так уж и не прав хозяин. Ум в бабе не главное, а эта, если ее отмыть и подкормить, вполне ничего будет. Правда, пару лет я бы все же подождал, а то мелкая слишком, переломится еще

— Вот не советую повторять это при хозяине. И вообще

помалкивай больше, а то с такой говорливостью недолго тебе занимать должность в главном доме, на конюшню к лошадям сошлют.

— Юная госпожа меня любит, заступится, — отмахнулся первый слуга. Второй переубеждать его не стал, лишь покачал головой и вышел из комнаты. Ненадолго я осталась наедине с тем, языкастым, что все никак не мог прекратить обсуждать личную жизнь своего хозяина.

Впрочем, надолго и он не задержался: наполнив стакан вновь и поставив его у изголовья кровати, на которой валялась моя обессиленная тушка, последовал за вторым.

Я наконец осталась одна.

Не то что бы я когда-то любила одиночество, скорее совсем наоборот, но последние годы заставили меня к нему привыкнуть, и я по инерции пыталась обрести равновесие в знакомой обстановке

Хотя разве есть здесь что-то знакомое? Ничего!

Оставшись одна, я наконец смогла дать волю любопытству и осмотреться по сторонам. Помещение было небольшим и не сказать что ухоженным. В подобных каморках часто селили слуг в господских домах. Обстановка тоже соответствовала: невысокий грубо сработанный шкаф, не лакированная столешница с приставленным табуретом, неширокая кровать, заправленная добротным и почти свежим бельем, да прикроватная тумба для всяких мелочей. Сейчас на ней стоял графин с прозрачной до ярких бликов водой и

стакан. Вот до чего хотелось дотянуться в первую очередь. Кончики пальцев аж зудели от желания коснуться прохладного чуть запотевшего стекла.

Вот только весь мой прошлый опыт говорил о том, что стакан я сейчас не удержу, даже если сумею как-то до него добраться. Прежде чем совершать какие-либо личные подвиги необходимо худо-бедно восстановиться. Не могу сказать, что целительство было моей сильной стороной, но штопать родной организм мне приходилось достаточно регулярно, чтобы кое-что освоить.

Поэтому вместо того, чтобы, преодолевая себя, тянуться за желаемым глотком воды, я закрыла глаза и принялась наводить порядок в изрядно пострадавшем теле. Знатно меня все-таки приложило! Такой путаницы в течениях внутренней энергии у меня прежде не было. Хм, разве мой резерв был таким огромным? Совершенно точно — нет, он был поменьше и поспокойнее. Конечно, внезапная встряска могла привести к некоторому увеличению объема оперируемых энергий, но я не слышала, чтобы к этому прибавлялся аспект, прежде в даре отсутствующий. Я же хоть и звалась стихийным магом, но специализацию имела довольно узкую — молния. В силу особенностей дара худо-бедно могла договориться с воздухом или огнем, но на этом все и заканчивалось.

Сейчас же я отчетливо видела редкие золотистые искорки магии жизни. Вот уж чего во мне никогда не было! Да

и жизнь рождается на стыке стихий земля и вода, а они не больно-таки уживаются с огнем или воздухом.

Внутри неприятно заскребло очень нехорошее предчувствие. Ни один рожденный естественным путем маг никогда не сможет нести в себе искры всех источников — это неоспоримый и доказанный факт. Вот только перед моим мысленным взором сейчас находилось магическое ядро: знакомо темное, без ярких и резких всполохов, похожее на большую черную жемчужину — но на этом все привычное и заканчивалось. Помимо розовато-сливовых искорок, равномерно покрывавших всю поверхность ядра прежде, теперь без труда можно было различить и светло-золотые.

Сразу же вспомнились все несостыковки, замеченные мной прежде. Во-первых, я никак не могла оказаться за пределами острова. Во-вторых, виденная мною рука совершенно точно не может принадлежать женщине, скорее ребенку, в лучшем случае — подростку. Да и слова тех двоих все не выходили из головы...

Надо встать. Вот прямо сейчас! Благо резерв позволяет по-быстрому подлатать организм.

Никогда прежде я не кастовала полное исцеление так быстро и точно. Обычно на концентрацию и сбор искорок дара нужной направленности я тратила с десятков минут, но сейчас ядро было переполнено ими.

Сама не заметив как, я оказалась на ногах в считанные мгновения. И вновь я нашла противоречие с привычным мне

миром: пусть и не сильно, но я оказалась ниже. От несоответствия между сознанием, привыкшем к определенной точке зрения, и восприятием, упрямо твердившим сейчас о другом, меня замутило.

Заклинание воздушного зеркала я произнесла уже без особой надежды. Как бы там ни было, но косвенных указателей уже было довольно, чтобы сделать некоторые выводы...

Пространство передо мной едва уловимо задрожало и принялось сгущаться. Я невольно зажмурилась, одновременно и желая увидеть себя, и до ужаса опасаясь встречаться с реальностью.

Резко выдохнув, я распахнула глаза.

Зеркало отражало меня. И в то же время — кого-то совершенно другого. С серебристой поверхности на меня смотрела... я? Вероятно, да. Кажется, именно так я и выглядела десять лет назад, когда впервые переступила порог столичной академии стихий. Правда, настолько худой и изможденной я никогда не была, но черты лица те же самые, да и волосы вьются знакомыми мелкими кольцами цвета жженого сахара и янтаря. И глаза мои, большие, изжелта карие, опушенные слишком светлыми, а потому почти незаметными ресницами.

Так что да, это отражение я узнавала, оно не вызывало особого отторжения, вот только тело при этом все равно было не моим. По крайней мере, совершенно точно не тем, в котором я провела не самые ужасные двадцать пять лет сво-

ей жизни.

Как там сказали те двое? «Кукла»? А ведь действительно — кукла. Я даже помню, как их создала. Полтора десятка неудачных образцов, выглядевших как мои сестры-близнецы. Всего лишь один из этапов исследования. Не самый результативный, кстати. После первых же тестов стало понятно, что полноценными им не быть. Не хватало в них какой-то искры, того, что сделало бы из куклы человека...

И вот как оно вышло...

Я неуверенно подняла руку — девчонка в отражении поспешила сделать также — и недоверчиво коснулась своего лица.

Что ж, поздравляю, госпожа Аргус, ваш самый первый и нелюбимый эксперимент все-таки обернулся удачей. Думаю, такого вы и сами не ожидали, когда создавали тех «кукол».

Так, не истерим. Спокойно. Надо мыслить позитивно.

Последний мой эксперимент окончился немного более неудачно чем остальные? Неприятно, да, но я все еще жива. Меня выкинуло в другое тело? Так скажи спасибо, что тело мало чем отличается от предыдущего, а несколько незначительных различий вполне компенсируются со временем. Помимо этого я походя подтвердила, что первоначальные расчеты были все-таки близки к верным. Похвастаться этим, правда, вряд ли смогу, но даже в этом есть свой плюс: меня наверняка уже благополучно похоронили, а значит и преследовать больше не будут.

С другой стороны, в ситуации есть и свои недостатки. И, наверно, самым главным из их числа является то, что мне совершенно неизвестно, в чьем именно теле мне посчастливилось оказаться. Изначально «кукол» было семнадцать, но ни одна не повторяла сестру. В первых трех я перемудрила с магическими потоками, настолько, что они вряд ли бы прожили больше года-двух. Дальше я постепенно снижала уровень резерва ядра, понемногу приближаясь к эталонному значению. Эталон, разумеется, была тогдашняя я. Но насколько помню, так в конце концов и не дошла до своих значений, разочаровалась в этом эксперименте раньше. В общем, даже если я оказалась в теле последней из «кукол», ее резерв и уровень способностей должен превышать мои. С одной стороны, это, бесспорно, плюс, ибо несет с собой новые возможности. С другой... не просто так природа поставила естественные ограничители на свои творения. Первые «куклы» при всей их магической мощи были совершенно стерильны, да и срок их жизни был далек от стандартного. Что касается следующих партий... с ними все сложнее, так как я потеряла интерес к ним раньше, чем классифицировала.

Одно могу сказать точно: мое нынешнее тело явно не из первых. Так что сделать выводы о своем ближайшем будущем я смогу лишь добравшись до Гриндела. В свое время «куклы» очень заинтересовали моего друга, а потому он точно задокументировал все до конца. Правда, расстались мы с ним не очень хорошо... Впрочем, укажите мне хоть одного

мага в столице, с кем я не разругалась в свой последний год нахождения там!

Откат от слишком быстрого восстановления накрыл минутою спустя. Мир стремительно завертелся перед глазами, а воздушное зеркало, негромко тренькнув, рассыпалось в мелкие искры. Пришлось искать опору, к счастью, от кровати я не сделала и двух шагов.

Несмотря на общую слабость, резерв по-прежнему воспринимался полным. Даже не знаю, что с ним надо будет сделать, чтобы исчерпать. Не люблю не знать границ своих возможностей. Но любые эксперименты отложим на более спокойные времена. Сейчас главное не вызвать лишних подозрений в текущем месте пребывания.

Устало откинувшись на спину, я закрыла глаза. Тело требовало отдыха, но сознание упрямо анализировало. Информации катастрофически не хватало. К счастью, я имела опыт общения с «куклами», а потому на время прикинуться одной из них смогу. И все равно мне нужно больше знать о нынешнем окружении.

В итоге я уснула, сама не заметив как.

Глава 2. Юная госпожа

— Ираираира, — монотонно бубнил кто-то в полголоса. Дышать было так тяжело, словно на мою грудную клетку положили груз в два десятка килограмм. — Ну, Ириш, ты же мне обещала!

Ирой меня звали только дома. Это было уже так давно, что я себя подобным образом не называла даже в мыслях. Но сон еще сковывал сознание, да и голосок, негромкий, по-детски тоненький, не вызывал никаких неприятных эмоций, напротив захотелось улыбнуться сквозь легкую дрему, что я и сделала.

— Ириш, пойдем играть. Ты же обещала! — воскликнули, радостно подпрыгнув на моих ребрах. Ощущение было то еще, но я всегда питала слабость к детской непосредственности.

Приоткрыв глаза, я посмотрела на нарушителя моего спокойствия. На мне сидел ребенок примерно лет пяти-шести. Девочка. Кукольно-красивая и вся такая аккуратная, что сразу же захотелось взлохматить лежащие волосок к волоску угольно-черные локоны. Короткое голубое детское платьице с белоснежными кружевными оборками немного сбилось, оголив острые коленки в плотных синих чулочках, украшенных на щиколотках крохотными атласными бантиками. Моя маленькая гостья была настолько красива и идеальна, что

мне тотчас захотелось спустить ее с безгрешных небес на землю никогда не умела себе отказывать

Подхватив это очаровательное дитя под пятую точку, я резко перевернулась, впечатав малышку в матрас, и без промедлений осуществила все, что хотела, — защекотала ее до визгливых радостных всхлипов.

— Ира! Ираираира, — сквозь смех твердила девочка, брыкаясь и отбиваясь. Вся ее кукольная идеальность разбилась в пух и прах. На бледных щечках появился яркий румянец, а пушистые темные ресницы склеились в острые черные стрелочки, придав синим глазам какую-то особую глубину. Что же касается гладкой прически, то она моментально превратилась в самое настоящее воронье гнездо.

Узрев результаты своих трудов, я бездумно рассмеялась. Такой малышка мне нравилась гораздо больше, все-таки чопорная идеальность детям совершенно не идет.

Девочка несмело улыбнулась мне в ответ, а я запоздало сообразила, что «кукла» себя так точно не вела. Не было в них заложено подобных ярких эмоций.

— А мне сказали, что ты заболела. Но ты ведь просто поправилась, да? — легко сделала выводы моя гостя.

— Но пусть это останется нашей маленькой тайной, — немного хрипло произнесла я. Голос оказался тоже моим. Думаю, мне будет несложно привыкнуть к этой новой жизни. И уж, конечно, я постараюсь не повторить прошлых ошибок.

— Ага, — легко согласилась малышка, светло улыбаясь

мне. Было в этой ее улыбке что-то знакомое, невольно цепляющее внимание, но я не помнила, чтобы у кого-то из моих знакомых был ребенок подобного возраста.

Впрочем, у меня ведь только что появился довольно неплохой источник информации.

— Скажешь свое имя? — осторожно спросила я, все еще не уверенная в принятом решении. Малышка явно не по годам сообразительная. Как бы мне это все не вышло боком. Но притворятся и играть перед ребенком не хотелось. Она мне ничего плохого еще не сделала, так с чего вдруг я должна ее сразу же записывать в число врагов?

— Лина, — представилась она, с любопытством глядя на меня. — А ты этого не помнишь? И меня не помнишь?

Я виновато улыбнулась и покачала головой. Если честно, я даже не уверена, что в сознании «куклы» содержалась подобная информация. Они весьма условно воспринимали этот мир, местами досконально запоминали каждую мелочь, но многое полностью игнорировали, словно оно не имело никакого значения.

— И имя свое не помнишь?

— Ира, — произнесла я. Давненько меня так уже не звали, но в какой-то степени оно относилось и ко мне.

— Полное имя, — как маленькой разъяснила малышка.

Я снова покачала головой. Называться своим прошлым именем я не собиралась.

— Тебя зовут Вирлена, — со всей доступной ей серьезно-

стью произнесла она. — Для друзей — Ира.

По спине против воли прошел неприятный холодок. Вирлена Аргус — именно так меня звали. Неужели кто-то из моих знакомых решил создать для себя мое подобие? Но с какой целью? Пусть кукла и выглядела как я, но как ее не называй, другой она не станет.

— И много у меня друзей? — увлажнив языком внезапно пересохшие губы, спросила я у Лины.

— Двое, зато мы самые настоящие! — уверили меня. Что ж, не стану спорить. Моими друзьями назывались самые разные люди но настоящих среди них, как показало время, почти не оказалось.

— Ну раз тебе известно мое полное имя, то может назовешь свое?

— Арлина, но близкие меня Линой зовут.

— Хорошо, значит, и я буду тебя так звать. Во что хочешь поиграть?

Девочка сразу задумалась.

— Пока не вернулся дядя, мы можем поиграть в падение Башни! — радостно воскликнула она, не потратив на размышления и минуты. Вот только мое детство прошло уже довольно давно, а потому такой игры я не помнила, в чем и поспешила признаться.

— Я научу! — уверила она меня и нырнула куда-то под мою кровать. Несколько секунд я недоуменно смотрела на пространство перед собой, но потом Лина вновь появилась,

только теперь в ее руках была еще и невзрачная коробочка с облезшим узором по бокам. Кажется, с «куклой» девочка действительно дружила, раз доверила ей хранение своих сокровищ. — Вот! — с гордостью произнесла она и высыпала на смятое после нашей возни покрывало содержимое коробки. Где-то с полторы дюжины багрово-алых марланских камней украсили невзрачно-серую ткань. Богатая девочка. Позволить себе даже один такой камушек может далеко не каждый маг. Отделка башни в свое время мне влетела в кругленькую сумму. Но это был единственный доступный мне на тот момент способ снизить риски от расположения лаборатории непосредственно в своем жилище...

Стоп. Она собралась строить свою башенку из них?! Кажется, я догадываюсь, какое событие положило начало этой игре.

Малышка же, полностью увлеченная своими камушками и их сортировкой, продолжила объяснять:

— Все непослушные дети играют в нее.

— Но разве ты непослушная? — удивилась я, ибо малышка совсем не производила такое впечатление.

Лина, ни секунды не колеблясь, кивнула:

— Так мама говорит. И нянюшка. Они мне вечно твердят, что, если я буду себя плохо вести, ведьма Багровой башни воскреснет и явится за мной.

Какая прелесть! Мной уже пугают детей! Как-то не такой славы я ждала, ввязываясь в те эксперименты. В конце кон-

цов у меня были самые благие намерения!..

— Но ты ведь ее не боишься, — подметила я, подтягивая подушку под спину. Тело несмотря на то, что с физической стороны полностью восстановилось, все еще требовало некоторой аккуратности в обращении.

— Не боюсь, потому что это все глупости, — явно повторяя чьи-то слова, ответила мне Лина. — Если бы она могла, давно бы вернулась.

Я нахмурилась: мне не понравилось, как это прозвучало. Чьи бы слова она сейчас не повторила, этот человек явно знал, о чем говорил.

— Почему? — вновь чувствуя, как пересыхают губы и горло, глухо спросила я.

— Потому что умерла она еще до моего рождения, — пожала плечами малышка и продолжила возводить башню из коричнево-рыжих камушков. — Если она за столько лет не нашла дорогу назад, то и теперь не сыщет.

Сердце, неприятно дернувшись, сразу же зачастило. В груди противно заныло, а по спине табуном пробежала толпа мурашек.

Вот это маленькое обстоятельство я учесть забыла: только смертные твари воспринимают время, а души и бессметные сущности его не чувствуют и не видят. «Куклы» изначально хоть и планировались как запасное прибежище для души в случае повреждения исходной оболочки, но до финала доведены не были

Укоренение моей сущности в новом теле могло тянуться годами, да и то для полного слияния была необходима какая-нибудь встряска

Небо! Сколько же времени прошло?..

Я посмотрела на Лину снова, на этот раз пытаюсь прикинуть ее возраст максимально точно. Если верить короткому детскому еще платицу, ей нет семи. Миниатюрные кукольные черты вполне способны скрасть год-другой, но в рассудительности ей не откажешь, а потому я склоняюсь к тому, что ей около шести.

Вот только «до моего рождения» — это сколько? Год? Два? Десять?..

Любой из озвученных вариантов может оказаться истинным, а может и близко не отражать действительность.

— Лина, а ты не знаешь, как давно это случилось? Я про башню и ведьму?

— Знаю! — малышка смешно надулась от осознания собственной информированности, — Это произошло за год до моего рождения, семь лет назад.

Семь лет. Это не семьдесят, конечно, но пропустить такой отрезок времени жутко. За это время слишком многое могло произойти, как бы не оказалось, что нынешний мир совсем не походит на привычный мне.

Ладно, со всем разберёмся. Возможно, так даже лучше: Лина права, никто в здравом уме не подумает, что я это я. Мне выпал второй шанс — многие ли до меня могли похва-

статься подобным?

— Рассказывай давай, как играть будем, — весело произнесла я, подобравшись к девочке. О своих проблемах я могу подумать и позже, а сейчас у меня есть занятие поинтереснее. Я уже целую вечность не общалась ни с кем, кто не пытался бы меня при этом убить.

Лина, широко улыбнувшись, произнесла:

— Сперва надо создать башню, но не просто так, а сделать такую же, как настоящая, только меньше.

Я с сомнением посмотрела на неровные куски марланских камней. Создать из них нечто похожее на Линварскую башню, бывшую до моего вмешательства городским маяком? Не думаю, что это возможно.

— Считаешь, не справимся? — верно расшифровав мой взгляд, спросила Лин. — У дяди Риса получается один в один.

Я покачала головой. Без магии — невозможно. Но марланский камень весьма неохотно воспринимает магию, за это его и ценят. Так что, если ее дяде хотя бы на время удастся придать неподатливому материалу иную форму он силен.

Достаточно силен, чтобы принадлежать к весьма немногочисленной ветви главных домов. Вот только — к которому? Семейство Фрайс, чьи предки когда-то заключили сделку с огненным духом войны? Нет, вряд ли. Их воспитание жёстко регламентировано, и любой ребенок к семи годам уже становится похож на маленького солдата. Хуже, чем в доме Фрайс,

к детям относятся только Санды, вот уж где нет даже призрака свободы. Холлиды? Они, конечно, преимущественно целители, да и работают охотнее с водой, чем с другими стихиями в пользу этой версии говорит поведение Лин: она жизнерадостна и свободно общалась с «куклой», что в большинстве могущественных семей не поощрялось бы. Кто там остался? Законники и ученые? Представить, чтобы в благороднейшем роду Санд появилось настолько прелестное создание, я не могла. Да и как-то не сложились у меня с этим семейством отношения. Думаю, они охотнее уничтожили бы всех «кукол», чтобы стереть саму память обо мне, чем приютили одну из них. А вот среди ученых я выросла, разумеется, мои опекуны были не из верхушки, даже близко нет, но, думаю, атмосферу их земель я бы почувствовала сразу...

Не хватает информации. Рано еще делать выводы, нужно просто запастись терпением и смотреть в оба — что-то точно прояснит ситуацию.

— Вот и у меня не выходит, — со вздохом призналась малышка. — А ведь она такая красивая, высокая, с ажурным кружевом ограждения и негасимым огоньком под прозрачно-алым куполом

Я невольно кивнула. Мне тоже нравилось место моего добровольного заточения. Крошечный островок, где и кусты-то не росли из-за скалистых пород без дополнительных усилий, но он находился чуть в стороне от города, да и старая башенка маяка была какой-то изящной и стройной, совсем

не похожей на новый, возведенный в порту Я влюбилась в то место сразу, как увидела

Интересно, а получится у меня теперь?..

Я вытянула руки к горке камней и сосредоточилась на своем магическом ядре. То среагировало моментально: вспыхнуло чуть зеленоватыми искрами. Никогда не была особо искусна в обращении со стихией земли, но тут словно кто-то вел мою руку. Марланский камень тотчас отреагировал на магию яркими багряными вспышками, прожилки более светлых и темных тонов исполосовали его поверхность, наглядно демонстрируя все недостатки породы. Технический. Впрочем, я и не рассчитывала увидеть у ребенка в игрушках чистый камень, даже этот, со скрытыми дефектами породы, весьма ценится в исследованиях, а потому стоит достаточно, чтобы смело судить о благосостоянии семьи моей новой знакомой.

С видимой неохотой начали проявляться очертания башни. Камушки, лежавшие один на другом как попало, утратили прежнюю форму, потекли, сливаясь в единую конструкцию. Я закрыла глаза, вспоминая, как выглядел мой маяк в малейших подробностях. С западной стороны был небольшой скол в опоясывающем чашу светильника ограждении, да и сам кристалл, когда-то верой и правдой служивший морякам, немного треснул. У меня была мысль его заменить, но зажигать второй маяк — это сбивать навигацию, но сейчас почему бы и не воплотить ту свою давнюю фантазию в

жизнь?..

Крупинка за крупинкой я воссоздавала свой дом. Пока я думала о нем, пока я помнила — он был. Пусть башни уже давно нет, пусть камни, должно быть, обратились в пепел

— Ух ты! — восторженно воскликнула Лина и я почувствовала, как девочка подпрыгнула на кровати от избытка чувств. — Ира! У тебя получается! Получается!

Я не ответила, прилагая все силы на борьбу с внутренним сопротивлением марланского камня. Прежде я не могла и мечтать о том, чтобы работать со столь требовательным и капризным материалом, теперь же мне было любопытно бросить вызов той, прошлой себе. Да и знать пределы своих сил лишним никогда не будет.

— Ну как? — неловко спросила я, открывая глаза. Смотреть на созданную моей фантазией башню было страшно, но в то же время внутри все изнемогало от желания увидеть хотя бы крошечный призрак прошлого.

— Красота! Правда она не совсем такая, какая была у дяди.

На волнах смятого покрывала стоял багрово-алый маяк, ажурный и тонкий, — брат-близнец того, что я оставила в своем вчера. Действительно — красиво, настолько, что уголки глаз аж щиплет от этой красоты.

Очарованная наполовину собственным внезапным могуществом, наполовину странным ностальгическим чувством, я протянула руку и погладила купол маяка. Марланский ка-

мень привычно укусил меня за палец, немного неприятно, но вполне терпимо. Особенно, если увидеть в этом хоть один плюс. Я видела. Призрачно-туманный алый свет, зародившийся в сердце треснувшего светового кристалла, стоил этого небольшого неудобства.

Лина, заметив это преображение, радостно засмеялась и хлопала в ладоши. Я тоже улыбнулась. Башня оживала под моими руками, поэтому и маяк пульсировал на ее вершине в такт моему сердцу.

Вот только мы с малышкой так увлеклись этой возней с марланскими камнями, что совершенно не заметили, как наше уединение было нарушено

Глава 3. Между настоящим и прошедшим

Смех Лины внезапно прервался на полу ноте, а сама она испуганно вытаращила глаза куда-то в сторону входной двери, сейчас находящейся за моей спиной.

— Арлина, — голос, прозвучавший в резко наступившей тишине, заставил меня дернуться и испуганно замереть. Привычно холодный, он не выражал никаких эмоций, совершенно. Впрочем, его владелец никогда и не имел каких-либо человеческих чувств! Всего лишь идеально-правильный каменный болванчик! Небо, да у мраморных статуй в саду эмоций и то было больше!

Я зажмурилась, переживая бурю внутри себя. В последний раз, когда мы встречались, я чуть его не убила. Да даже сейчас хочется наплевать на глупую конспирацию и броситься в атаку — и будь, что будет!

— Дядя? Ты что-то рано. Мы тебя ждали только завтра, — легко соскочив с кровати, Лина несколькими быстрыми движениями оправила одежду и радостно кинулась к стоящему за моей спиной мужчине.

Дядя?! Ленарис Санд — ее дядя?! Но тогда ее отец?.. Так вот кого она мне все это время напоминала! Она ведь копия

Тинариса! Надо же уже и дочкой обзавестись успел!

Но надолго моей радости не хватило. В моем «вчера» Тинарис был завидным холостяком, все недостатки которого сводились к жуткому брату, принадлежности к прямой старшей ветви закона и страшному по силе дару. И именно в силу последнего обстоятельства в моем «сегодня» он вряд ли есть. Семь лет ему не давали даже самые оптимистично настроенные целители. Да он бы и двух не протянул, если бы не мои исследования!..

Опоздала.

Все-таки, госпожа Аргус, вы опоздали. Столько времени, сил, ресурсов Я пошла против всего мира, чтобы хотя бы продлить его жизнь

Ох, Рис, я ведь даже не попрощалась с тобой. Прости, что оказалась таким паршивым другом!..

— Приехал раньше.

— А мы с Иришкой тут играем, — радостный голос Лины резал по нервам. Не представляю, как эту каменную статую можно столь беззаветно любить. А ведь малышка именно любит — это слышно по ее интонациям. — Смотри, какая башня у меня получилась! — и девочка потащила мужчину в направлении кровати. В мою сторону. Я чувствовала их приближение так, словно внезапно стала стрелкой компаса, а они магнитной осью.

— Башня, — односложно произнес мужчина совсем рядом. Если бы не странное оцепенение, охватившее все тело,

мне достаточно было бы всего-то повернуть голову, чтобы увидеть

— А что с ней? — немного обеспокоено спросила Лин, но почти сразу же добавила: — Мне нравится.

— Другая.

— Ага, — легко согласилась малышка, — но мне показалось, что так она будет красивее. Правда же? Правда?!

Не знаю, почему Лина решила меня прикрыть и полностью взять всю ответственность на себя, но я никогда и ни к кому не испытывала такой благодарности, как к этой девочке.

— Да.

С самого начала ненавидела эту его манеру отвечать так, словно лишнее сказанное им слово незамедлительно кого-то убьет. Нелюдимый, хмурый, раздражающе совершенный! Законники в академии гордились наследником семьи Санд так, словно лично приложили руку к его созданию. Да, гордились они всегда Ленарисом, а вот любили — Тинариса. Как же мне хотелось тогда их всех встряхнуть, объяснить, что так нельзя с живым человеком!.. Что они сами, своим поведением, превращают его в какой-то образ, к которому даже подойти боязно!.. Да, в тот самый первый мой год в академии мне отчаянно хотелось их всех встряхнуть — в первую очередь этого идеального до зубной боли мальчишку, который, казалось, совершенно не понимает, зачем сближаться с другими людьми. В его мире существовал лишь младший брат,

веселый и шумный, постоянно стремящийся хоть немного его расшевелить всех остальных он просто не видел, *меня* — не видел!..

Небо, мне страшно представить, каким Санд мог стать без постоянного вмешательства Риса. Но в то же время я до ужаса хочу его увидеть Любопытно же, какой он сейчас

Ленарис Санд нисколько не изменился за последние годы. В моей памяти ему было двадцать шесть. И наша последняя встреча закончилась погромом в портовой таверне Линвы. Сейчас ему было хорошо за тридцать, но время словно обошло его стороной. Все те же холодные волевые черты, скорбно опущенные уголки губ, никогда не знавшие улыбки, и взгляд словно бы сквозь тебя. Ненавижу. Это вечно похоронное выражение лица — ненавижу! Рис был другим. Похожие друг на друга как два листа с одного дерева, они были настолько разными внутренне, что это вызывало оторопь.

И вот я оказалась в «сейчас», в котором одного из них нет. Риса больше нет!

А Санд стоит напротив привычной скорбной тенью. В дорожном черном костюме, идеальном несмотря на долгую дорогу. Впрочем, он всегда был таким. Совершенным, словно статуя на храмовом алтаре. Неживым.

Не в силах видеть его рядом с собой, я опустила взгляд на башню. Сама того не замечая, я продолжала касаться хищного камня, а тот питаясь от моего ядра разгорался все ярче. В груди тянуло, но это было не столько из-за оттока магии,

сколько от всей этой ситуации в целом. Этот мир слишком не мой.

Бездна! Зачем я вообще вернулась? К кому?..

От боли внутри хотелось кричать, но в горле снова пересохло, и я не могла выдавить даже протяжного сипа. На кончиках пальцев болезненно пульсировало, но разжать руки и выпустить из них последний призрак прошлого я не могла. Пусть лучше этот проклятый камень пожрет меня целиком!

— Ира!

Рис?..

Нет, не Рис. Мой Рис уже давно мертв. Он ушел, а я почему-то осталась здесь Зачем?

— Ира!

— Ириш, разожми руки. Пожалуйста! — кто-то кинулся ко мне, схватил за запястья и теперь поливал меня слезами.
— Ириша!

Хватит. Не надо слез. Не люблю. Рис, ты ведь всегда улыбался, даже когда было больно и не было никаких сил бороться с этим миром. Помнишь? Смеяться всем назло — это ты меня научил. Так почему твоя дочь сейчас плачет? Я всегда говорила, что Санд хорошему не научит. Как ты мог оставить ребенка на него?.. Мой глупый-глупый Рис

— Ира!

Не смей меня называть так! Я ведь никогда не была для тебя Ирой, только не для тебя.

— Вирлена!

— Ириша!

Кажется, меня продолжали тормошить, но сознание подернулось дрожащей темной дымкой. Я приняла это как благословение. В конце концов тьма была моей колыбелью, моей сутью и моим путем. Такая теплая, нежная. Словно родная мать.

Мамочка, мама! Куда ты? Зачем? Почему ты уходишь? За папой?..

Эта отчаянная пронзительная мысль — единственная память о родителях, что у меня осталась. В семь лет в наших землях празднуют первый этап взросления. Девочкам в этот день заплетают волосы и дарят настоящее, «взрослое», платье. Мальчикам вручают первый меч и атрибут силы.

Я это помню только с чужих слов, но мое семилетие было другим.

Мама разбудила меня на рассвете, расчесала волосы и обрезала их почти под корень. Иногда мне снится, как пушистые пшенично-медовые пряди с шелестом падают на пол. Шорх-шорх. Звук мягкий, почти не различимый, но в тишине комнаты он меня оглушает. Голове с каждым движением маминых рук становится легче. Я не спрашиваю зачем и почему, я просто смотрю на восходящее за окном солнце и встречаю его радостной улыбкой. Мир почему-то воспринимается тоскливым и пустым, мне хочется разбить эту унылую скорлупку тем ощущением счастья, что мне дарит но-

вый день, а потому я заливисто смеюсь и запрокидываю голову назад.

Мама гладит меня по макушке. Я ее совсем не помню, но это ощущение тепла нежных рук, преследует меня до сих пор.

Но вот стрижка закончена. Вторым даром для дочери должно стать новое платье. Не детское, едва достигающее колен, а настоящее, взрослое, в котором можно только степенно ходить, а не бегать с мальчишками по крышам. По традиции второй дар должен преподнести отец, но того уже несколько дней не было. Поэтому и тугой сверток с одеждой мне подает мама. Я в нетерпении срываю ленту, разворачиваю не платье. Но так даже лучше! Я ведь не какая-то благородная дама! По крышам с Грином бегать в штанах удобнее.

Новый костюм натягиваю за пару минут. Он сидит как влитой. А сколько карманов! Мечта любого мальчишки!

Я счастлива практически до слез. Надо показать Грину свои обновки! Ему до семилетия еще целых полгода! Вот он обзавидуется!

Мама ловит меня уже почти в дверях. Последний ее подарок — белая костяная свирель. У многих заклинателей воздуха есть что-то похожее. Но магия — удел мужчин. Девочек, даже сильно одаренных, обычно не обучают. Вернее: их учат другому. И уж, конечно, им не дарят атрибут силы.

Разумеется, я тогда не знала обо всем этом. Меня все это и не интересовало. Я даже не задавалась вопросом: почему

меня окружают только маги земли? Разве ребенка интересует, какого цвета искры рождаются в магическом ядре? Конечно, нет.

Как не интересуется и странность преподнесенных даров. Тем более за окном уже знакомо скребется Грин, а значит, точно пора бежать

Кто же знал, что возвращаться мне будет некуда?

Хотя взрослые знали.

Я не помню ничего из того, что было до того дня. Да и сам тот день я скорее домыслила, дорисовала с чужих слов

Знаю лишь, что издали видела, как уводят маму Я пыталась бежать за ней, но меня крепко держали. Я вырывалась, кричала, плакала. Рыдала так долго, что в итоге ослабела от этих слез и отключилась.

В себя я пришла только через три дня. В памяти было мутно. Взрослые переговаривались, словно меня не было в комнате. Тетушка Май выглядела обессиленной и заплаканной. Дядя Фандел стоял у нее за спиной. Гриндел и вовсе нашелся рядом со мной. Он спал, прижимаясь ко мне всем телом и делясь своим теплом. Я три дня провела в нервной горячке, и все это время мой друг был рядом.

Так я обрела второй дом. Жаль только, что маму почти не помню. Та свирелька оказалась единственным наследством, что я долгие годы бережно хранила среди вещей Правда, научить меня играть на ней было некому — у магов, принадлежащих земле, совсем другие инструменты в почете. По-

этому она так и осталась лишь маленьким сокровищем позабывшей свои истоки девочки, а после и вовсе затерялась в круговерти новых событий и встреч.

Впрочем, мне было некогда предаваться грусти и воспоминаниям. Я выросла и училась. Не знаю, каким ветром моих родителей когда-то занесло на исконные земли магов земли, но мне это точно пошло на пользу. Семья дяди Фандела была достаточно сильной, чтобы жить в достатке, но достаточно отдаленной от главной ветви клана ученых, чтобы никого не волновала какая-то из жалости подобранная девочка. Меня учили с Грином наравне. Мы вместе осваивали грамоту, вместе учились обращаться к ядру, вместе плели первые заклинания и вместе заслужили честь стать учениками столичной академии.

Глава 4. Братья Санд

Ежегодно каждый клан посылает на обучение в Арлессу, столицу объединенных земель, десятков лучших воспитанников в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет. Мне двенадцать. И я лучшая из детей, отобранных на землях клана ученых.

Я горжусь собой. Горжусь моим братишкой Грином, который упрямо следует за мной несмотря на то, что и младше, и слабее. А потому я нисколько не сомневаюсь, что в академии всем покажу, чего стою. И конечно окружающие наконец перестанут удивляться тому, что на учебу приняли девчонку!

Но пока я чувствую чужие взгляды, провожающие нашу группу. Девять мальчишек в зеленых мантиях клана ученых (или «умников», как их порой звали за спиной) — и девчонка, соломенно-рыжая, совершенно не похожая на своих крепких русоволосых спутников.

Ворота академии распахиваются в полдень. Жаркое солнце уже замучило-изморило. Дорога была не из легких, а тут еще и это ожидание на площади перед главным зданием Скорей бы внутрь, в прохладу каменных стен.

Земли клана ученых находятся далеко от столицы, а значит, мы наверняка прибыли самыми последними. Внутри меня все горит огнем нетерпения. Я хочу увидеть детей других семейств. Мне интересно, правду ли говорят, что вои-

ны огня всегда красноволосы и непримиримы. А еще — мне стыдно в этом признаться — я просто горю желанием увидеть законников. Маленькая костяная свирель висит на шее, спрятанная от чужих взглядов под одеждой. Мамин атрибут совершенно точно относится к воздушной стихии, а значит она наверняка была такой же, как и они.

Наверно боги все-таки любят меня, потому что, едва переступив порог академии, первый, кого я вижу, — он. Слепительно красивый мальчик в черной мантии законников. Он стоит чуть в стороне от других детей и выглядит таким неприступным, что к нему никто не решается подойти, но посматривают — многие. Кто-то — как я — на него смотрит с интересом, кто-то с затаенным благоговением. Последнее удивляет. Что мог сделать этот ребенок, чтобы к нему относились как к какому-то божеству?

Я замираю в дверях, чтобы не спеша и со всем возможным тщанием изучить, а главное понять увиденное.

Мальчик действительно очень красивый: белокожий, большеглазый, с правильными чертами лица. По давним традициям Законников он носит длинные волосы, заплетенные в тугую косу. Темноволосый, во всем черном, он выглядит мрачновато и таинственно. И я думаю о том, что ему наверняка пошел бы насыщенный синий! Или хотя бы изумрудно-зеленый! Я могу без труда дорисовать в своем сознании его в одеждах этих цветов

— Ирка! Не стой на проходе, — возмущается Грин, толк-

нужу меня в спину.

— А ты возьми — и обойди! — веско отвечаю я, но на полшага в сторону отступаю.

К несчастью, за те краткие мгновения пока я переругивалась с другом, объект моих наблюдений куда-то делся. А я ведь даже еще не успела определиться: хочу я с ним знакомиться или нет!

Ладно, сначала познакомлюсь — а потом решу. В конце концов, я не обязана браться с каждым, кому назвала свое имя.

Мальчика-законника я нахожу не сразу: пришлось поискать по едва заметным углублениям и нишам. В главном зале таких вот тайных уголков оказалось немало. Наставники и учителя один за другим произносят свои правильные, но совершенно ненужные речи. Мне не до них. У меня есть цель: я пытаюсь найти ослепительно красивого мальчика. Возможно, если я назову ему свое имя — он улыбнется

Улыбка ему бы пошла. Наверно, даже больше, чем мантсия синего цвета и серебряная шпилька, украшенная резным пионом (я как-то видела такую у тетушки Май).

Искомую мальчишку я замечаю тогда, когда от него досадливо хмуря брови отходит горстка детей в огненных одеждах. Он даже не смотрит им в след, хотя представителей клана воинов задирать опасно. Вот только ему все равно. Он не играет и не пытается казаться важнее, чем есть, — ему действительно все равно.

Чужое безразличие цепляет, я просто не могу больше думать ни о чем другом. Надо сделать так, чтобы меня он точно не смог проигнорировать.

О! А почему бы для начала не?..

Идея приходит сразу же. Замечательная идея, основанная на опыте всех моих друзей-мальчишек.

— Привет, — для весомости своих слов дернув за кончик угольно-черной косы, произношу я. Разумеется, мальчишка сразу же поворачивается ко мне. А ведь всех остальных смельчаков он проигнорировал. Вот что делает грамотно составленный план! — Меня зовут Ирой. А тебя?

Несмотря на то, что он повернулся, светло-серые глаза смотрят как будто сквозь меня. Прозрачные и чистые как зеркало, они совершенно ничего не выражают. Такой взгляд бывает у слепых, но я точно знаю, что мальчик меня видит. Отчаянно хочется сделать хоть что-нибудь, но стереть это безразличие с красивого лица. Любое безумство подойдет — лишь бы заметил!

— Ира. Вирлена. Ты меня понимаешь? — и чтобы добиться хоть какого-то отклика я снова дергаю его за косу. Если честно, мне немного обидно, что у какого-то мальчишки волосы длиннее, гуще и красивее, чем у меня. Поэтому с поистине детской вредностью я решаю заставить его пожалеть об этом роскошном совершенстве!

— Не надо, — ровно произносит он, не предприняв и попытки вырвать косу из моих рук. Голос по-мальчишески

звонкий от природы намерено приглушен, словно его обладатель привык себя сдерживать даже в такой малости.

— Что? — спрашиваю я и мстительно дергаю снова. Несильно, но так чтобы он почувствовал, кто сейчас является хозяином положения.

— Так делать. Не надо. — Размерено и тихо, словно мои действия ничуть не доставляют ему неудобства.

— А ты назови свое имя! — упрямо твержу я, не желая так просто сдаваться.

Он отворачивается, словно в миг потерял весь интерес. Я тянусь снова дернуть его за косу, но он ускользает, проскакивается, как вода между пальцами. Или воздух. Запоздало вспоминаю, что мальчишка — из ветви законников, а значит, точно давно сроднился со своей стихией.

Ладно, поймаю его потом. За ужином. Или завтра. Или в любой другой день. В конце концов, я твердо решила обучиться владению маминой стихией, а значит, возможностей для встреч у нас еще будет немало.

Вот только ни за ужином, ни на первых вводных — общих для всего набора — занятиях я его не вижу. Мальчишка, словно какой-то призрак, умудряется не попадаться на глаза. Устав от моих причитаний во время обеда, Грин раздраженно машет рукой куда-то в сторону окна.

Темный силуэт не заметить мог только полный слепец. Но я не настроена сейчас признавать свои ошибки. С обедом расправляюсь в считанные мгновения, но все равно его

уход пропускаю. Мысленно проклиная свою любовь к сладким булочкам, спешу к выходу из столовой. Не мог же он далеко уйти!..

Так и есть. Знакомая спина маячит впереди, если побегать — поймаю.

— Привет! — радостно кричу я и для весомости снова дергаю мальчишку за косу.

К моему удивлению, на сей раз ко мне не только поворачиваются, но и отвечают яркой улыбкой.

— Привет.

— Ой, — отдернув руку от чужих волос, я смущенно улыбаюсь. — Ты не он.

— Ага, — подтверждает мне мальчишка, внешне похожий на давешнего как его близнец. Впрочем, некоторые различия, когда я присмотрелась получше, все-таки удастся обнаружить: этот чуть пониже ростом, с глазами не серыми, а скорее серо-голубыми. Но эти различия такая ничтожная малость на фоне главного — чувства жизни. Давешний был прекрасен, но холоден, как мраморная статуя в храме, а этот сияет словно солнце жизнерадостностью и жизнелюбием. — И я даже знаю, кто ты. Брат вчера сказал, что в академии есть невоспитанная девчонка, которая страсть как любит дергать за косы.

— Прямо так и сказал? — с сомнением спрашиваю я.

— Почти. Он был не столь многословен, — мальчишка смеется своим словам, словно хорошей шутке. — Тинарис

Санд.

— Вирлена Аргус.

— Аргус, стало быть, — в светлых глазах напротив видится неподдельный интерес. — Должно быть, ты сильная. Просто не можешь быть другой.

Я лишь улыбаюсь, не понимая, с чего вдруг такие выводы. Но — да, я сильная.

— Кстати, моего брата зовут Ленарисом. И я буду счастливым, если вы подружитесь.

Я киваю. Конечно же — подружмся. Иначе и быть не может — я ведь упорная, а упорство и города берет.

Вечером того же дня нам всем выдают новую форму. Моя — угольно-черная. С тонким серебристым шитьем по манжетам и вороту. В академию девчонок принимают нечасто, а потому мой наряд ничем не отличается от тех, что получили мальчишки, прибывшие из земель законников. Жаль только, что мне этот цвет совершенно не идет: кажусь еще бледнее и почему-то рыжее. Интересно, мама выглядела также?..

Не помню. А спросить некого. Хотя Грин вроде помнит ее и папу.

Раньше в детстве, когда я тихо плакала по ночам, названный братишка всегда тайком пробирался ко мне в постель и негромко рассказывал о них. Папа был боевым магом, высоким и сильным, он носил на поясе тяжелую саблю с золоченой рукоятью (про оружие Грин помнил лучше всего, а потому захлебываясь от восторга описывал его, а также свои

эмоции от того раза, когда папа дал его подержать). Рыжеватый оттенок волос у меня от него. Грин, правда, уверял, что я бледный костерок на фоне его сияюще-алого пламени. Но я в эти рассказы никогда не верила: папа уж точно не мог быть настолько сильным огневи́ком — иначе ему бы просто не позволили быть с мамой. Все кланы блюдут чистоту крови. И трепетнее всего к вопросам наследования относятся в клане Фрайс.

Мама же совершенно точно была заклинательницей воздуха. Иногда, когда становится больно и грустно, я подношу к губам ее свирельку и несильно дую. Звук, что рождается внутри, высокий и чистый. Он успокаивает. Интересно, в академии нас будут учить обращению с атрибутом? Обычно, этому учат в раннем детстве, в семье

Ладно, если чего-то сильно хотеть, то непременно добьешься результата!

Следующий день начинается с первых занятий по выбранным направлениям. Напротив учебной комнаты я стою в компании незнакомых мне законников, из всех присутствующих я знаю лишь братьев Санд, но старший упорно делает вид, что никого из нас в его личной вселенной не существует, младший, виновато поглядывает на меня, успевая одновременно общаться со всеми. Я стою чуть в стороне, ожидая начала урока, внутри аж потряхивает от столь резких перемен в жизни

И вот он долгожданный миг. Наставник запускает нас

в аудиторию Столов в классе десять. Нас — одиннадцать. Эта неправильность цепляет и позволяет прийти в себя. Все ошибаются. Даже эти чопорные законники не безгрешны. Одноклассники, столь же быстро сосчитав парты, украдкой поглядывают на меня со смесью любопытства и безразличной неприязни. Я их даже понимаю: впервые кто-то отобранный на землях одного клана, просит об обучении искусству другого. Это неправильно и нарушает заведённый порядок. Плевать. Ведь в братьях Санд нет этих эмоций. Тинарис встречает мой взгляд улыбкой. Ленарис — безмятежным спокойствием стальных серых вод. Страхнув ненужную робость, на занятии я сажусь за один стол со старшим из Сандов. Он не возражает, а мне нравится ощущение чужого плеча рядом. Тинарис, видя нашу возню, весело смеется с соседней парты.

На следующем уроке столов уже одиннадцать. Я делаю вид, что математика не самая сильная моя черта. Старший Санд не возражает. Он вообще говорит мало, даже если к нему обращаешься. Ничего, растормошим.

Тинарис — Рис — снова заливисто смеется. Сурового вида наставник в черной мантии осуждающе качает головой и ставит всем в пример идеального до зубовного скрежета старшего Санда. В результате я незаметно для учителя дергаю своего соседа за косу. От неожиданности тот ойкает — в тишине аудитории, нарушаемой лишь шелестом мела по шершавой доске, звук получается звонким и прекрасно слышимым. Рис сдавленно хрюкает от смеха. Я тоже едва сдер-

живаюсь, чтобы не рассмеяться. Но Санд все также суров и неприступен.

Ничего, я только начала. У нас еще восемь лет впереди. К выпуску точно подружмся!

Глава 5. «Я тебя знаю»

В голове неприятно шумело. Этот шум постепенно разгонял укутавшую меня уютную тьму. Возвращаться в мир не хотелось. За внезапную истерику было почему-то стыдно. Да и перед глазами все еще продолжали стоять мальчишки-законники, которых я встретила почти два десятилетия назад.

— Господин, я не знала, что вы вернулись, — спокойный женский голос разорвал остатки мутной дремы. Я никогда не слышала его прежде, а потому против воли хмурая морщинка сама наползла на лоб. В нашем окружении никогда не было лишних женщин.

Тот, к кому она обращалась, ответил неопределенным звуком. Спросонья эта привычка мне даже показалась забавной и милой. Почему я раньше не соглашалась с Рисом, когда он говорил также?

— Я велю подать вам чай и приготовить ванну, — почему-то вместо того, чтобы отдаляться голос — и его обладательница — казались все ближе.

— Да, — Санд был привычно «многословен». Наверно, его собеседнице сейчас жуть как хочется его встряхнуть. Мне вот всегда хотелось. Думаю, забавной эта особенность может казаться лишь со стороны. А вот когда это безразличие обращено на тебя саму это уязвляет.

Мне стало любопытно, какая она эта женщина, что бес-

страшно продолжает беседу с господином Ледышкой, когда тот явно не горит таким желанием. Я ведь по опыту знаю, насколько это бывает больно и сложно.

Через силу открыв глаза, я снова увидела над собой потолок. Опять он был мне незнаком. И зачем надо было тащить куда-то мое бесчувственное тельце? Эта кровать ничем не лучше той!

Нет, вру, конечно. На ложе таких размеров я и в своей прежней жизни оказывалась нечасто. Но прийти в себя я с тем же успехом могла и на своей кровати. Правда, тогда бы пропустила эту сцену. А посмотреть было на что.

Женщина, нарушившая покой Санда, именно такая, какой должна бы быть супруга главы клана. Красивая, статная, знающая себе цену. У меня такой быть никогда не получалось. Я всегда излишне суежилась. Стоявшая же всего в паре шагов от Санда женщина подавать себя в выгодном свете умела и любила. Она была довольно стройной, но черный цвет одеяния создавал впечатление хрупкости — казалось, что любое неловкое движение ее буквально переломит в талии. А вот пена светло-серых воланов в области декольте создавала нужные объемы сверху. Точно так же как и убранные наверх в строгую прическу темные волосы весьма выгодно подчеркивали точеную линию шеи.

Великолепна.

Неужели Санд сподобился-таки жениться?

Осознание этого как-то неприятно цепануло внутри. Я

весьма ревниво относилась ко всем своим друзьям, а господин глава клана Законников и вовсе был случаем особым. Мы с Рисом в детстве часами перебирали всех подходящих ему по возрасту и положению дам лишь для того, чтобы одну за другой отбраковать всех.

— Господин, если желаете, я могу сделать вам массаж с дороги. Я не очень сильный целитель, но, думаю, моих скромных сил хватит, чтобы немного расслабить вас.

Ух ты! У меня на такие предложения смелости в свое время не хватило, а меня считали особой весьма беспардонной и наглой.

— Не нужно, — довольно резко ответил Санд.

Жаль, я бы посмотрела. Даже интересно, появляется ли хоть какое-то выражение на этом лице, или оно навеки застыло в этом скорбном выражении.

— Как прикажет мой господин, — спокойно и величественно, словно это не ее сейчас тут отвергли, произнесла пришедшая и едва уловимо склонилась, явно собираясь уходить. Вот только в этот момент ее взгляд скользнул по кровати и встретился с моим. Наверно, умей я когда-либо краснеть — покраснела бы именно в этот момент. К счастью, это умение никак не сочеталось с моим характером, поэтому я лишь недоуменно хлопнула пару раз ресницами. Я слабоумная, мне можно.

Чего я не ожидала, так это столь быстрой и бурной реакции. Женщина распрямилась в один момент и зло сощурила

на меня свои глаза.

— Что эта замарашка делает здесь? Я же велела ее запереть в комнате! Прошу прощения, господин, я сейчас же прикажу ее увести!

Внезапно утратившая весь свой лоск леди быстрым шагом направилась к двери, чтобы позвать слуг и претворить свои угрозы в жизнь. Но не успела она коснуться ручки, как ее остановил спокойный голос:

— Нет.

— Простите, что? — спросила она, с легким недоумением посмотрев на хозяина дома. Если честно, я ее сейчас прекрасно понимала.

Мне как-то в голову не могло прийти, что Санд оттащит меня в свое логово. Он весьма трепетно всегда относился к личному пространству, зачастую не подпуская близко не то, что меня — родного брата. А тут он не просто притащил меня внутрь, но даже оставил на своей кровати.

От осознания последнего мне стало немного не по себе. Белье, разумеется, чистое, только что застеленное. Но от мысли, что я сейчас затылком попираю его любимую подушку, снова чувствую себя двенадцатилетней школьницей.

— Вирлена останется здесь.

Видит Небо я удивлена! И не только смыслом его слов. Это самое длинное предложение, какое я слышала от него за все два десятка лет нашего знакомства!

— Но, господин, подумайте, что скажут люди, если узнают

об этом!

Да нет, вот тут я не соглашусь. Если Санд не изменил своим привычкам, в чем лично я сомневаюсь, то наличие девушки в спальне его репутацию скорее спасет, чем уничтожит. Все-таки за все время, что я его знаю, он ни разу не подал повода связать его имя с чьим-то еще. Дошло все до того, что некоторые недоброжелатели посчитали его не то тайным извращенцем, не то слабым по мужской части.

Я, кстати, относилась ко второй группе. Впрочем, моей наглости вполне хватало высказывать эти мысли ему в лицо, а не перешептываться за спиной.

Санд отвечать на последнюю реплику собеседницы явно не собирался. И та наконец сдалась. Пробормотав себе под нос что-то явно далекое от пожеланий хорошего дня в мой адрес, она вышла.

Едва дверь закрылась за ее спиной, Санд выдохнул. С кровати мне не было видно его лица, но напряжение постепенно покидало его тело, это было видно по тому, как медленно расслабляются плечи.

Что же такого произошло в мире за эти семь лет моего отсутствия, что он в собственном доме не может чувствовать себя свободно?

— Поговорим? — внезапно спросил он, чуть повернув голову в мою сторону.

Я столько раз задавала ему этот вопрос, что совсем растерялась, когда он вдруг оказался адресован мне. Небо! Да в

прошлой жизни я бы многое отдала за одно лишь это слово!

— Вирлена, — с легким осуждением произнес он. Прозрачно-серые глаза смотрели прямо на меня. Они по-прежнему ничего не выражали, но что-то все-таки изменилось. Совсем немного, едва уловимо.

И я сдалась.

Не знаю как (возможно, всему виной пресловутая башня) но он уже знал, что я это я.

— Зачем? — хмуро спросила я, приподнимаясь на локтях и подтягивая под себя ноги. В лежащем положении я чувствовала себя уязвимой, поэтому поспешила занять более безопасную и выгодную для себя позицию. Жаль не успела как следует осмотреться. Впрочем, импровизация всегда была сильной моей стороной.

— Считаешь лишним? — тень интереса проскользнула в чужих интонациях.

— Бесполезным — будет вернее. Мы оба знаем, чем закончится эта беседа.

— Не знаем, — возразили мне.

Я лишь хмыкнула. Последние пять-шесть лет наши пути пересекались так часто, что я невольно грешила на излишне кривые тропинки судьбы и столь же криворукое проведение. И каждый раз наша беседа проходила по одному-единственному сценарию...

— Вирлена.

— Спрашивай уже, что хотел — и разбежимся. Мне по-

наравился этот дом, не хотелось бы, чтобы его постигла участь той таверны в Линве.

Осуждение в сером взгляде почти осязаемо, но я упрямо держусь. В конце концов, он всегда смотрел на меня так. Ничего нового. Совершенно.

— Оружие.

— Чуть больше слов, Санд. Очень прошу. Здесь сейчас нет Риса, чтобы переводить твою речь на общечеловеческий! — на имени друга мой голос дрогнул. Я все еще не смирилась. Да что там — даже не осознала до конца.

— Прости.

— Не извиняйся, прошу. Этого я точно не вынесу, — болезненно попросила я, зажмурив глаза. Должно же и у него где-то под этой льдистой броней быть сердце? Не могло же оно все достаться Рису, верно?

— Вирлена, — Санд снова выдохнул мое имя. Почему-то только у него это выходило столь весомо и одновременно интимно, что я ненавидела это сочетание звуков в его исполнении. Но сколько я ни пыталась приучить его звать меня как-то иначе, ничего не работало. В академии меня звали по-разному: и Вирой, и Леной, изредка, самые близкие — Ирой. И только для многочисленного сонма наставников я была исключительно Вирленой, но в их исполнении это имя не звучало сколько-нибудь особенно.

— Оружие, Санд, — хмуро напомнила я.

Он вздохнул, как-то слишком устало. На краткий миг он

даже стал выглядеть на свой возраст. Сколько ему сейчас? Тридцать три? Тридцать четыре? Для мага не так чтобы много, но и не мало. Особенно, если ты в целом мире один — и весь мир на твоих плечах.

— Это мой вопрос. В тот день... что ты отдала Ринрасу Фрайсу.

Я рассмеялась, болезненно-горько, с надрывом. Проклятье! Прошло семь лет! А единственное, что его продолжает интересоваться — мои поделки для горстки боевых магов!

— Ничего, Санд. В тот проклятый день Ринрас прислал отказ. Они забраковали мою разработку. И я вместо того, чтобы успокоиться и перепроверить все расчеты, сунулась в лабораторию в том раздрае мыслей и чувств. Итог тебе известен, — последнее я почти прорычала. Никогда не умела сдерживать эмоции. Когда мне весело — я смеюсь, когда грустно — плачу. А рядом с Ленарисом Сандом мне хочется рвать и метать.

Но я пообещала себе, что этот дом устоит. Здесь живет чудесная девочка, с улыбкой так похожей на улыбку ее отца. А потому вместо того, чтобы срываться с места, я покрепче обхватила себя за плечи.

— Ты опять путаешь причину и следствие, — усталый голос Санда раздался совсем рядом. Матрас чуть промялся под его весом, а в следующее мгновение я оказалась в кольце чужих рук. Было странно. И удивительно тепло.

Я зажмурилась, чувствуя, как запекло глаза. Весь сего-

дняшний день я балансировала на грани истерики и теперь меня уверено толкали в ее пропасть.

— Плачь. Тебе это нужно.

Я замерла испуганной пичужкой, не зная, как поступить. Я совсем не привыкла к такому Санду... но кто знает, возможно, чужим и неправильным был именно тот мальчишка, что остался в моей памяти, а этот нелогично внимательный и удивительно чуткий мужчина — единственно верный.

— Брата больше нет, — словно зная о моих мыслях, негромко произнес этот незнакомый Санд. — На сегодня я побуду его заменой. Плачь.

Слезы, скопившись в уголках глаз, крупными каплями упали на мои судорожно сжатые руки. Он бил по больному. Но, возможно, именно это сейчас и было необходимо.

Решив все сомнения и колебания отложить до завтра, я наконец отпустила себя. Меня трясло. От боли и ужаса пережитого кошмара, от безумия и неправильности этого мира, от собственной никчемности. Мне хотелось рыдать и выть, но я вместо этого сильнее втискивалась в жесткое плечо и до боли кусала губы.

Я не знаю, сколько это продолжалось, но Санд не пошевелился за все это время ни разу. И я была безумно благодарна за это.

Наконец эмоции выдохлись, ушли из тела соленой водой, оставив после себя лишь изматывающую пустоту. Но так даже лучше — я сама решу, чем ее заполнить.

Санд, почувствовав, что меня немного отпустило, попытался отстраниться. Вот только это совсем не соответствовало моим планам на ближайшие минуты.

— Почему ты мне помогаешь? — вцепившись в так удачно подставленный ворот, я не дала ему сбежать.

— Потому что знаю, — негромко произнесли у самого моего уха. Щекотка от чужого дыхания приятной волной прокатилась вдоль позвоночника. Давненько я не оказывалась в такой близости от мужчины. Уже и забыла, как оно бывает.

— Что?

— Я тебя знаю, — он произнес это так решительно твердо, что я просто не нашлась с ответом.

Глава 6. Ушедшие в небытие

Расцепить руки и уйти я ему позволила, только, когда успокоилась настолько, чтобы провалиться в полудрему.

Организм, проспавший почти весь день, продолжал упрямо требовать отдыха, а мне просто лень было сейчас бороться с ним.

О том, что я выгнала из кровати ее хозяина, я подумала лишь тогда, когда открыла глаза в крошечной тьме. Если бы это оказался кто-то из моих приятелей по академии я бы не волновалась: они бы быстро нашли, где и с кем устроиться, в крайнем случае, с них бы стало уместиться рядом, но это был Санд. Раздражающе правильный Санд, не подпускавший к себе никого ближе метра.

Я вслушалась в ночную тишину. Ничего. В комнате его точно не было, а значит, запрятался в какую-нибудь библиотеку и уснул в лучшем случае на диване, а то может и в кресле.

Небо, Рис, как ты с ним справлялся? Он ведь хуже ребенка, чес-слово! Ребёнка хотя бы можно переупрямить или заставить, а что сделаешь с мужчиной вдвое тебя крупнее?

Спать больше не хотелось, поэтому я в полной темноте сползла с кровати. Где и как располагались светильники, я не запомнила, а бездумно призывать огонь в своем состоянии я опасалась. В результате в коридор я вышла в весьма помятом

состоянии. Неяркое ночное освещение в первый миг неприятно ударило по глазам, я сделала пару шагов от комнаты и остановилась. В этом доме я была впервые, а потому самостоятельно не то, что в отведенную мне комнату не вернусь, я вообще не уверена, что не потеряюсь через десяток-другой шагов.

Санд, конечно, уже в курсе, что я не его «кукла», но ставить в известность кого бы то ни было еще я не планировала. С другой стороны, слабоумная девчонка, коей меня здесь считают, вполне могла проснувшись в незнакомом месте (а я надеюсь, что спальня хозяина дома ей все-таки не была знакома), отправится искать свою комнату. В любом случае первый же встречный наверняка меня вернет куда надо, главное не сопротивляться. А пока я одна имеет смысл лучше изучить место, в котором оказалась. Мало ли к чему приведет моя завтрашняя беседа с Сандом.

Ночной дом оказался местом огромным и довольно скучным. Врываться в комнаты, не зная точно, что — и кто — находится с другой стороны двери, мне показалось не самым умным решением, а извилистая лента коридора не могла похвастаться какими-либо достопримечательностями. Не считать же за таковые всевозможные пейзажи, развешенные по стенам.

Наконец впереди показалось что-то интересное: в череде абсолютно одинаковых деревянных дверей возникла пара створок из цветного витражного стекла. Кажется, я поняла,

где оказалась. Родовое поместье Сандов. Только в фамильном гнезде может быть часовня-поминальня. Я неуверенно замялась в дверях.

Обычно никаких ограничений на посещение таких мест посторонними не было, но это связано скорее с тем, что на внутренние территории семей мало кто допускался. Зачем прописывать запреты там, где и без того достаточно трудностей.

Впрочем, я в любом случае отправилась бы сюда. Даже без разрешения. Даже получив личный запрет Санда. И я толкнула высокие двери...

Они всегда встречали первыми. Десятки глаз смотрели с портретов, расположенных по обе стороны от входа. В центре небольшой круглой комнаты на светящемся отраженным лунным светом алтаре крутился светло-серый вихрь. Собственно, больше ничего в часовенке и не было. Лишь поминальные изображения да кусочек первостихии. Санды — сильнейший и старейший из существующих ныне родов, связанных с воздухом. Законники. Судьи и палачи нашего общества. А потому со стен на меня смотрели одинаково суровые лица ушедших за грань. Здесь были как совсем древние, поседевшие от времени, изображения, так и свежие... Портрет Риса был последним в ряду. Даже в полумраке часовенки он сиял красками. А еще мой друг улыбался — светло и чисто, так как делал это каждый день, каждый миг нашего знакомства...

— Привет, Рис, — негромко произнесла я, становясь напротив портрета. — Прости, что я так долго. Ты ведь ждал меня, я знаю. Ты всегда меня ждал, — Разумеется, он не ответил. И это было впервые. Раньше он первым кидался мне на встречу, сияя такой родной и привычной улыбкой. И я против воли отвечала ему тем же. Почему-то даже будучи в ссоре с Сандом, я никогда не переносила свою злость на его брата. Да, они были весьма похожи внешне, их многие путали, особенно по первости, но только не я. — Видела твоего брата. Он по-прежнему не знает, что разговор предполагает обмен вербальными сообщениями, а не одними взглядами и междометьями. Впрочем, прогресс определенно есть. Санд выдал наверно месячную дозу слов за один лишь вечер. Думаю, ты был бы рад узнать, что твои усилия не прошли даром. — Глаза снова пекло. Мне было больно, что я пропустила все на свете. Я ведь могла бы его спасти!.. Небо, я ведь была так близка!.. Осознавать это было нелегко. — Извини, Рис. Мне, правда, очень-очень жаль, — слезы крупными каплями сорвались вниз. И без того пострадавшую за сегодня ткань моего сарафана украсили влажные пятна. — У меня ведь почти получилось... у нас почти получилось... — не в силах стоять на ногах, я опустилась прямо на пол, используя алтарь как опору. Наверно, в какой-то степени это можно было бы счесть святотатством. Но мы с Рисом частенько нарушали общепринятые нормы. Здесь и сейчас мне просто необходимо было поговорить с ним. Я ведь так и не успе-

ла это сделать. — Знаешь, а я познакомилась с твоей дочкой. Чудесная малышка. Даже Санду не удалось ее испортить. Хотя это вопрос времени. И как только ты оставил ее на него? Сам же говорил, что твоему брату нельзя доверять даже щенка, а не то что ребенка.

Я замолчала. В ночной тишине самую малость ощущалось его присутствие. Видимо, он был последним из Сандов, что пересек порог жизни. Теперь осколки его существования будут ощущаться тут до тех пор, пока не внесут следующий портрет, а частичку праха не пожертвуют алтарному духу. Так что он все еще рядом, мой старый друг. Если закрыть глаза, то можно даже поверить, что мы просто молчим. Когда нечего было сказать, мы ведь проводили так целые ночи.

— Рис, я ведь так и не поблагодарила тебя за последний подарок. Мне понравилось. Чудесная песня. Не против, если я спою? Конечно же не против. Жаль, что мы так и не сыграли дуэтом...

Закрыв глаза и привалившись к алтарному камню спиной, я негромко напевала одну из последних полученных от Риса мелодий. Он всегда присылал мне кристалл с записанной музыкой — знал, что меня успокаивает пронзительный и грустный голос флейты. Раз за разом получая от него подобные дары, я чувствовала себя нужной. Пусть мне пришлось отречься от всего мира пусть меня не понимал никто из тех, кого я считала своими близкими и друзьями пока у меня был Рис — я была готова мириться со всей несправедливостью

этого мира.

Не знаю, сколько я так просидела. Спина уже затекла от неудобной позы. Но вставать и куда-то двигаться не было желания. Странная, совершенно не свойственная мне апатия холодом просачивалась в кровь.

Какой-то частице меня хотелось так навсегда и остаться здесь, слиться со старым камнем алтаря, навеки раствориться в этой тишине

Вот только тишина уже не была такой полной как несколько мгновений назад. Шум шагов, едва различимый, но истосковавшиеся по звукам органы чувств фиксируют все отчетливо и ясно.

— Вирлена. — Опять Санд. Даже здесь мне от него не скрыться.

Говорить о чем бы то ни было мне не хотелось, поэтому я в его лучших традициях ответила лишь неопределенным звуком. И пусть трактует это как хочет!

— Не спи здесь, — с легким вздохом продолжил законник. По едва уловимому шороху шагов я поняла, что он подошел ближе.

— Я и не сплю, — не открывая глаз, возразила я.

— И не сиди, — добавил мужчина, словно надеясь одними словами сдвинуть меня с места. Желания действовать согласно его воле у меня от этого не появилось. Поэтому я, все также жмурясь и не открывая глаз, негромко спросила:

— А где я должна быть, по-твоему? Лично мне кажется,

что я нашла идеальное место для себя. Живое — к живому. Мертвое — к мертвому. Я — мертва.

— Нет, — резко возразили мне. — Уже нет.

Я промолчала. Зачем затевать очередной спор? Возможно, я сейчас дышу, чувствую холод и даже разговариваю, но чего-то важного все равно не хватает. Какого-то огонька, что раньше пылал в груди каждый миг моей жизни, а теперь едва-едва тлеет.

— Вирлена, пойдем, — произнес Санд, и я снова почувствовала его руки у себя на плечах. Ох, не знала, что я настолько замерзла! Чужие ладони обжигали кожу даже сквозь ткань платья. Изголодавшееся по теплу тело само подалось вперед. Ему-то было совершенно все равно к кому оно там жмет. А мне? Вероятно, тоже, так как вырываться и оказывать хоть какое-то видимое сопротивление я не спешила.

Онемевшее и замерзшее тело шевелилось неохотно, но Санд не спешил отстраняться, даже утвердив меня в вертикальном положении.

— Пойдем, — продолжая поддерживать меня, почти обнимать, повторил мужчина и мягко направил в сторону выхода. Я не сопротивлялась, только жмурила глаза сильнее и делала вид, что все это происходит не со мной.

К моему удивлению, наше путешествие оказалось довольно коротким. Мы прошли едва ли с пару десятков шагов, как меня осторожно опустили в кресло. Продолжать игнорировать окружающую действительность дальше становилось все

труднее, поэтому я все-таки открыла глаза. И сразу же зажмурилась от света. В комнате, служившей не то кабинетом, не то библиотекой, было светло. После ночного сумрака такой резкий переход был довольно жесток по отношению к моим глазам.

Кое-как проморгавшись от выступивших слез, я с величайшей осторожностью посмотрела по сторонам. Действительно рабочий кабинет. И даже хозяин его на месте. Санд обнаружился рядом с тяжелым деревянным столом. Не говоря ни слова, он наполнил водой высокий стакан и все также молча подал его мне.

В горле действительно было сухо, поэтому отказываться я не стала. Вцепившись в прохладное стекло двумя руками, я сделала пару глотков и посмотрела на снова отошедшего к своему столу мужчину.

Он воспринял этот мой взгляд как готовность к беседе, поэтому сразу спросил:

— Поговорим?

Упорство всегда было его сильной стороной. Впрочем, я чаще считала это свойство его характера скорее недостатком, чем достоинством. Рис с этим не соглашался. Он слишком любил брата.

— О чем? — сипло спросила я. Несмотря на выпитую воду, горло все еще саднило. Что тому было причиной: время, проведенное на холодном полу, или песня, все еще продолжавшая запомнившейся мелодией отдаваться в ушах, — я не

знала.

— Ознакомься, — произнес Санд и бросил передо мной пухлую папку с документами. На обложке, запечатанной символом ветра, стояло несколько грифов. Я привычно расшифровала крайние: «только для личного пользования», «секретно», «распространение запрещено». Ух ты! Почти все маркеры в одном месте! Не хватает только алого «после прочтения — уничтожить»!

Я с сомнением посмотрела на хмуро замершего законника. Что-то я сильно сомневаюсь, что вхожу в список лиц, у кого есть право доступа к подобным документам. Или Санд просто ищет причину, за что бы меня отправить обратно в мир мертвых? Так там и искать не надо: насколько помню, меня пару раз уже заочно приговорили к пожизненному заключению. И только мое нахождение за пределами юрисдикции Совета не давало законникам привести наказание к исполнению.

— Читай, — приказал он в ответ на мой взгляд.

Я лишь покачала головой: он как всегда многословен. Ладно, возможно, эти документы прольют свет на все странности в поведении моего старого знакомого.

Протянув руку к печати ветра, я неуверенно призвала эту стихию. К моему удивлению, документы вместо того, чтобы обуглиться и превратиться в хлопья серого пепла, обрели вполне читаемый вид. «Дело о смерти Линварской ведьмы» — значилось теперь на обложке.

Неприятный холодок прошел вдоль позвоночника. Санд — просто образец участия. Только он мог додуматься вместо слов утешения и сочувствия выдать бумаги, описывающие подробности моей смерти.

Не желая поддаваться глупой жалости к себе, я притянула бумаги ближе и начала читать. Свидетельские показания, заключения магов-следователей, отчеты, отчеты, отчеты

От злорадства, которым пропитаны строки, болезненно пекло внутри. Не думала, что столько народу меня действительно ненавидит. Впрочем, я ведь знала, на что шла. Я слишком выделялась на фоне остальных и слишком часто бросала вызов самим устоям нашего общества, чтобы это могли забыть.

Наконец все бумаги были прочитаны. Я отложила в сторону страницу с заключением и подняла глаза на Санда, который за минувшее время, казалось, даже не пошевелился ни разу.

— Зачем ты мне это дал? Ведьма мертва. Дело закрыто, — я намеренно произнесла последнюю прочитанную фразу, чтобы хоть так успокоить пламя, бушующее внутри меня. Я ведь всего-то хотела спасти друга! За что же они так со мной?..

— Не закрыто, — возразили мне.

Я в недоумении посмотрела на Санда, потом на ворох страниц передо мной. А ведь точно! Схватив папку, в которой лежали документы, я посмотрела на обложку. Грифа о

закрытии и отправлении дела в архив не было и нет.

— Почему? — сипло спросила я, хотя кое-какие подозрения у меня уже появились.

— Это не случайность, — просто ответили мне.

Не случайность. А значит — убийство.

Я невольно сглотнула, чувствуя себя в этот момент удивительно беззащитной. У меня были враги. Много врагов. Но ни один из них никогда не горел жадой отправить меня на тот свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.